

Виктор Пронин

Сила слова

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин

Сила слова

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Сила слова / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«Поначалу никто не связывал странные события в заводоуправлении с появлением новой уборщицы. Ну пришла тетя Паша и пришла. Определили ей участок работы, оговорили всякие условия, пригрозили слегка, как водится, чтоб не уваливала от обязанностей, не прогуливала, не теряла метлы и швабры. Потом прибавили ей и ту работу, которую она выполнять была вовсе и не обязана, – уборку буфета, двора, еще что-то, но пообещали с отпуском, путевку посулили в летний месяц – в общем договорились...»

Виктор Пронин

Сила слова

Поначалу никто не связывал странные события в заводоуправлении с появлением новой уборщицы. Ну пришла тетя Паша и пришла. Определили ей участок работы, оговорили всякие условия, пригрозили слегка, как водится, чтоб не уваливала от обязанностей, не прогуливала, не теряла метлы и швабры. Потом прибавили ей и ту работу, которую она выполнять была вовсе и не обязана, – уборку буфета, двора, еще что-то, но пообещали с отпуском, путевку посулили в летний месяц – в общем договорились.

И приступила тетя Паша к работе.

Надо сказать, что заводоуправление – это только слово большое да значительное. За этим словом стояло небольшое двухэтажное здание с громыхающими дверями на разболтанных петлях. У порога лежала деревянная решетка, сквозь которую должна была проникать грязь, но до появления тети Паши грязь эта никуда не проникала, поскольку решетка была напрочь забита. Завод этот выпускал продукцию самую что ни на есть простую – гвозди, дверные петли, гвоздодеры, лопаты и прочую дребедень. И народец здесь подобрался тоже пошиба не больно высокого. Оно и понятно – для выпуска гвоздодеров не требуются специалисты по электронике, знатоки программного управления, да и роботы сюда еще не добрались. А специалисты высокого класса постепенно ушли на соседние предприятия, где им предложили и зарплату повыше, и премию квартальную, и тринадцатую зарплату, и путевку к морю, и машину вне очереди – вещи вроде бы и не самые главные в жизни, но от которых трудно отказаться, которыми почти невозможно пренебречь.

Однако на заводе этом, называвшемся, если не ошибаюсь, «Красный гвоздь», люди остались, искренне преданные металлопроизводству и традиционному способу обработки металла с помощьюковки, штамповки и прочих приемов, для которых требовалась хорошая кувалда и массивная наковальня. Кроме того, к чести коллектива завода следует отметить, что он заслуженно гордился тем, что его продукция не залеживалась ни в селе, ни в городе.

Так вот тетя Паша. Обычная уборщица, и одета она была в точности так, как ей и подобает, – коричневые чулки, косынка неопределенного цвета, синий халат, который ей выписали на складе. Халат оказался явно великоватым, но тетю Пашу это нисколько не смущало, она заворачивалась в него несколько раз, как в большую синюю простыню, и повязывалась поверх тонким простроченным пояском. Такие халаты выдавались слесарям не то на два года, не то на три. Было тете Паше наверняка больше пятидесяти, лицо ее от постоянного высматривания окурков, конфетных оберток, металлической стружки и прочего мусора приобрело выражение пронзительное и осуждающее. Фигура у нее была тоже слегка сутуловатая, поскольку вряд ли она в своей жизни работала кем-либо кроме уборщицы. В заводоуправлении вряд ли кто мог сказать, какие у тети Паши глаза, да и о чем думать – какие глаза у уборщицы! Главное, чтоб мусор видела.

Единственное, что отличало тетю Пашу от других уборщиц, это ее постоянное ворчание. И тоже не беда – так ли уж важно, о чем ворчит уборщица. Кто-то окурков бросил на пол – ей уж на полдня есть о чем говорить, а там кто-то ноги не вытер, кто-то в туалете беспорядок оставил. Бывает, чего уж там, еще как бывает. Пажеское воспитание мы получили не все, случается, что и плюнем не там, и чихнем не так, и вообще...

Первое происшествие случилось в курилке, недалеко от туалета. Коридор там образовывал тупик, и в этом закутке был установлен ящик с песком, на стене висел красный баллон уже неизвестно сколько лет, тут же на красном деревянном щите лопата была укреплена крестнакрест с ломом, раздвоенным на конце вроде змеиного жала. И вот в этом тупике все и произошло. Стоят люди, болтают обо всем на свете по случаю обеденного перерыва. Больше всех,

конечно, счетовод Жорка Шестаков. Без устали в который раз рассказывал, как он преодолевал Клухорский перевал, как в кедрачах за Уралом шастал, но больше всего он любил рассказывать, как у карточных шулеров выигрывал и те ничего не могли с ним поделать, не могли преодолеть силу его проницательности и замечательного карточного чутья. И вот рассказывает Жорка, рассказывает, одну сигаретку в волнении закурит, другую закурит, тут же бросит ее в урну, но, ясное дело, далеко не все его окурки попадали в узкую горловину мусорного ведра, и мимо пролетали, и даже довольно далеко от ведра падали. Естественно, и тетя Паша тут как тут, она уже на второй день знала, где больше всего мусора собирается, в какое время, и даже основные источники этого мусора тоже вычислила.

И вот тут, едва только Жорка покончил с Клухорским перевалом и приступил к разоблачению шулерских приемов, тут все и началось. До этого момента в курилке стоял легкий галдеж, прерываемый смехом, возгласами недоверия, восхищения, многие Жорку вовсе не слушали, поскольку он каждый день рассказывал одно и то же... И вдруг все смолкли. Не просто замолчали, не просто стали говорить тише, а можно сказать... поперхнулись. Потому что все увидели, что Жорка-счетовод начал медленно отрываться от земли. Сначала можно было подумать, что он стал на цыпочки, Жорка часто становился на цыпочки по причине небогатого роста, а тут вроде он раз на цыпочки стал, потом еще раз, потом еще... Медленно, тихонько, сантиметр за сантиметром он отрывался от пола и вот уже оказался выше всех, а между его подошвами и крашеными досками пола образовалось пространство сантиметров тридцать, не меньше. Тут уж и сам Жорка замолчал, глазками своими маленькими испуганно так моргает, понять ничего не может. Повертел головой, убедился, что рядом никого нет, что никто с ним шутки не шутит. Да и какие шутки – приятели по курилке попросту отшатнулись от него, как от привидения какого-нибудь. Жорка рот открыл, хотел что-то сказать, даже сказал что-то, но никто его не услышал, изо рта у него исходило невнятное сипение. Кое-кто, увидев такое, начал пятиться, пятиться и скрываться в ближайших отделах, а те, которые остались, увидели, что, когда Жорка оторвался от земли примерно на полметра, начал он тихонько заваливаться на бок. Чтобы сохранить равновесие и достойное вертикальное положение, Жорка взмахнул руками, хотел было ухватиться за что-нибудь, но смог дотянуться только до лопаты. Однако это ему не помогло, он продолжал клониться, пока не занял горизонтального положения. Тут уж он перестал махать руками, видимо, смирившись, покоровившись неведомой силе.

Жорка лежал примерно в метре от пола, сжав в одной руке деревянный черенок лопаты, а другую вытянув вдоль тела, лежал, моргал глазками, и только его кривоватый нос жадно ловил воздух, ноздри трепетали, потом напряглись и побелели. И вдруг, когда он уж совсем принял горизонтальное положение, колдовская сила вроде как кончилась, иссякла, и было такое впечатление, будто подпорка невидимая, которая все это время держала Жорку в воздухе, исчезла. И Жорка с высоты одного метра брякнулся на пол, усыпанный окурками. И так был всем происшедшим ошарашен, что даже не решался подняться, молча лежал рядом с лопатой и покорно смотрел в потолок, словно ожидал еще каких-то событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.